

Гурам Сванидзе. Сад камней
Владимир Савич. Частный Армагеддон
Андрей Назаров. Прочерни

Г у р а м С в а н и д з е

САД КАМНЕЙ

Бэ-Мэ

Соседский мальчик принес домой тетрадку, которую подобрал на подоконнике школьного туалета. Обыкновенную светлосалатового цвета двенадцатистовую тетрадку в клетку. Он долго держал ее в тайне, не показывал отцу, хотя не боялся его и не особенно заботился о том, что тот секрет раскроет. Не показывал мальчик тетрадку и товарищам...

Когда парнишка первый раз раскрыл тетрадь, его позабавил рисованный шариковой ручкой фашистский флаг, свесившийся с крыши рубленой избы, и немец, справляющий за ее углом малую нужду. Другой рисунок был «натуралистичнее» — однополчане фашиста (один ножом, другой вилкой) ковыряли ставший вдруг огромным пенис солдата. Они ухмылялись и что-то шизоидное было в их ухмылке.

Мальчика в детстве пугали неким монстром по имени «Бэ-мэ». Если он капризничал, проявлял неповиновение, кто-нибудь из взрослых стучал незаметно по какому-нибудь предмету и принимал испуганный вид. «Кушай кашу! Это Бэ-мэ пришел. Он охотится за непослушными мальчиками!»...

И вот в свои десять лет он наконец-то увидел этого монстра в тетрадке. Огромного роста волосатое существо, исходящее похотливой слюной (даже язык высунул), своими волосатыми клешнями пытающееся обнять стайку кучерявых голеньких младенчиков... Он снова и снова в тайне от всех рассматривал это чудовище. Каждый раз его охватывал жуткий страх, он бледнел. Иногда мальчик задерживался у подоконника школьного туалета. Как будто ждал кого-то.

Однажды его «застукал» отец. Он отнял у ребенка тетрадь. «Кто это нарисовал?» — спросил он. Мальчик молчал. Его бледность пугала родителя. Он позвал мать, что-то шепнул ей на ухо.

На следующий день отец отнес тетрадку директору школы. Они вполголоса обсуждали содержимое тетрадки, и потом директор по-

рвал ее. С того дня у туалета дежурил кто-нибудь из старшеклассников. «К параше приставили!» — острела над каждым очередным дежурным ребятя.

Сад камней

Володя болел, очень серьезно болел. Мать, пока она была жива, присматривала за ним. Потом она умерла. В это время Володя в очередной раз пребывал в больнице. Врачи не знали, как сообщить ему скорбную весть. Он был очень привязан к ней и в ожидании часами простаивал у зарешеченного окна. Она приносила ему книги, ученические тетради, шариковые ручки. Сын что-то чиркал в тетрадках. Мать беспокоило, что он почти ничего не ел и сильно похудел. «Володечка, я принесла тебе свежих булочек», — каждый раз приговаривала она. Эти булочки женщина покупала у входа на территорию больницы. Они приятно пахли, и пока она шла по дороге к корпусу, «в отдел психозов», куда помещали Володю, она успевала съесть один из трех пышных теплых хлебцев. Она сильно голодала. Приносила она с собой и что-нибудь из одежды. Тщательно расчесывала его светлую шевелюру. Поэтому Володя всегда выглядел чистеньким и прибранным — астенического телосложения мужчина-мальчик, с печальной поволокой на глазах... Известие он принял спокойно. Когда санитар вел его к врачу, он на ходу чиркал что-то в тетрадке. Делал то же самое, когда его выводили из кабинета врача.

Он писал себе: «Наверное, ты обращал внимание, как малое дитя своими еще неловкими пальчиками (указательным и большим) пытается подобрать перышко, выпроставшееся из перины. Вокруг много крупных предметов, но малыш прибегает к тонкому и целенаправленному действию, проявляя при этом упорство, оставаясь при этом совершенно спокойным. В такие минуты лицо малыша бывает интеллектуальным, как у шахматиста, обдумывающего ход».

Громила-санитар смотрел на него с усмешкой, дескать, совсем дурак — наверное, псих-поэт.

Ночью Володя долго сидел в постели и писал в тетрадке. Он обращал внимание, когда начал вопить и биться в бреду больной в дальнем конце палаты, рассчитанной на 16 человек.

Он писал: «Сад Реандзи создан для созерцания. Меняя место, откуда ты созерцаешь этот сад камней, ты видишь новые сути. Ты закрепляешь в себе новое содержание, почерпнутое из меняющегося соотношения камней сада, имеющих свое имя и смысл. Один из них всегда исчезает. Напоследок окидываешь взором всю площадку (этот сад площадью всего 10x12 м) и вбираешь все его элементы в одно целое, всегда новое».

Ракурс Боша

С детских лет, еще не умея читать и писать, Бадри хотел стать писателем. Родители умилялись его желанию и даже кокетничали, мол, литераторы в их фамилии не переводятся. Имелся в виду дядюшка Вану, кузен отца. «Он – писатель», – так поминали его в семье. Однажды Бадри с родителями наведлся к славному родственнику. Тот даже не соизволил выйти к гостям. «Муж пишет», – многозначительно отметила его жена. Родители с притворным пониманием отреагировали на это обстоятельство. По дороге домой отец обижался хамству кузена.

Бадри так и не удостоился встречи с дядюшкой. В книжном шкафу оставалась его книга. Отец начал было ее читать, но потом одолела скука, и он прекратил чтение.

Парень проявлял постоянство. Научившись писать и читать, он еще более утвердился в своем выборе. На этот раз родители насторожились. Не блажь ли это?

Однажды во время ужина отец ворчал, обращаясь к своему чаду:

– Дюма, еще совсем молодой, выдавал себя за писателя, хотя к тому времени им не было написано ни строчки. Он производил впечатление авантюриста, но не чудака вроде тебя.

– Это надо записать, – неожиданно для себя встрепенулся Бадри. После ужина он взял учебную тетрадь о 12 страниц и вывел в ней запись: «Меня сравнили с Дюма». Ему было 10 лет.

Он мало отличался от своих сверстников, разве что в отличие от них его не покидало желание «записывать». Паренек коллекционировал впечатления, порой обходился символами, лишь бы они оживляли в нем пережитые ощущения. Словарный запас тогда у него был в обрез.

Меня он тоже «запечатлел» в своей тетради. Мы как-то шалили у него на квартире – прыгали с подоконника на тахту. Разгоряченные, с легкомысленными воплями снова и снова взбирались на подоконник и спрыгивали. Вдруг Бадри застыл, лицо сгладилося и успокоилось, глаза засветились... Как замороженный он смотрел в окно. Я тоже глянул и ничего особенного не увидел. Его оторопь продолжалась недолго. Потом он взял свою тетрадку, записал мое имя, указал обстоятельство действия и добавил надпись: «Вид с окна».

– Что это значит? – спросил я.

Бадри ответил:

– Когда я лез наверх, на подоконник, вдруг вспышка света меня ослепила, тепло и сладко стало здесь (он показал на свою по-детски неразвитую грудь).

Окна выходили на шоссе, далее была железная дорога. На ближайшей линии стояли вагоны-теплушки переселенцев. Их, наверное, везли строить где-то завод. Они высыпали на полотно. Женщины стирали в невесть откуда появившихся лоханках, тут же развели костры, на которых в чанах кипятили воду. Детвора сновала туда-сюда, кто лез под вагон, кто носился как угорелый. Мужчины вынесли стол, играли в карты, кошки и собаки разгуливали поблизости... Местные, которые проходили мимо, останавливались и наблюдали за происходящим. Некоторые толпились на железнодорожном мосту и смотрели оттуда. Было любопытно, но ничего особенного.

– Мне показалось, что я там и здесь одновременно. Будто я и они – как я один, одно целое с ними...

Мой одноклассник, видимо, «зарапортовался».

Однажды, зайдя к Бадри поиграть в домино, я застал его за писанием. Он писал о... капле Броуна. Буквально за день до этого по физике мы проходили материал о броуновском движении.

– Мне вдруг жалко стало эту каплю. Со всех сторон молекулы воды толкают ее безостановочно. Она бесприютно блуждает, но с водой не смешивается. Гордая. Потом вдруг она лопается, и вода чернеет. Ведь капля от туши.

Я пожал плечами и спросил, прикинувшись дурачком, откуда он знает, что капля себя гордой мнит.

Мне было трудно судить, какой из Бадри вышел бы сочинитель, но настал момент, и он вдруг переквалифицировался в инженеры, перестал делать записи, тетрадки забросил. Для него стали катор-

гой письменные работы по литературе. Писал их с большим трудом и без желания. Мало кто придал значение такой перемене в парне. Переключился на точные науки, и ладно. Дескать, повзрослел парень. Родители тоже вроде успокоились.

— Смур в голове, вот и не может мысли связывать! — отчеканила как-то учительница языка и литературы. В фаворитах ходили ее сын и несколько еще девиц-зубрежек.

После окончания школы мы разъехались. Каждый пошел своей дорогой. Я выучился на врача, работал потом в поликлинике. Подрабатывал на карете скорой помощи. Бадри стал крупным инженером-энергетиком. Где только не работал!? В Сибири, Средней Азии. Прощел большую школу жизни. Потом его призвали в Тбилиси и назначили директором ГЭС. Тогда в стране был сильный кризис с электроэнергией.

Однажды по вызову я выехал с бригадой скорой помощи. «У мужчины в возрасте 47 лет сердечный приступ», — сообщила мне оператор. Больной жил в фешенебельном районе, как оказалось, в огромной богато обставленной квартире.

Нас встретила славянской внешности красивая женщина. На плохом грузинском она объяснила, что у ее мужа стенокардический криз и проводила нас в спальню... Я не сразу узнал Бадри. Он лежал в постели, сильно поседел, лицо было каменно строгим. На появление врачей отреагировал хладнокровно. Меня в белом халате он не узнал. Из слов жены я узнал, что больной много нервничает на работе. Я провел необходимые процедуры. Посидел немножко у постели, подождал. Но вот Бадри отошел. Тут я и напомнил о себе. Обнялись, он дал жене указание, чтобы угостила меня, его однокашника, и моих коллег. Договорились о встрече.

Мы посидели в ресторане на Набережной. Он был сдержан, но видно было, что ему трудно здесь. Один раз только обронил, что народ жалко, не подозревает, что всякая сволочь его во тьме держит и на этом зарабатывает. Я решил поменять тональность разговора. Вспомнил детство. Про тетрадку, в которую он меня вписал. Бадри только криво улыбнулся. Он сделал паузу, закурил. Потом начал рассказ:

— Ты, наверное, помнишь сына учительницы по литературе. Парень как парень. Мать и бабка его без отца воспитывали. Матушка

поэтессой-неудачницей себя считала. Она сына в писатели прочила. Даже смешно, так много молокососов с амбицией сочинителя на одну школу приходилось. Я по простоте души к ней обратился. Она попросила зайти позже и оставила у себя мою тетрадку. Прихожу я к ней, а она с сынулей возится. Писали что-то. Потом ко мне обратилась и с траурным выражением лица говорит: «Бездарные у тебя тексты. Не говоря о слабой грамматике!!» Говорит, а в глазах подлинка. Ее сын в это время взглянул на меня с чувством превосходства. Тут бабка подключилась: «Вместо того, чтобы сыну помочь, всякой белибердой занимаешься!» Змеиное шипение бабки меня доконало. У меня не то что настроение испортилось, я в депру впал. Пришел домой, а мать спрашивает, в чем дело. Я не стал рассказывать. Со слался на головную боль! После того у меня нервные реакции на письмо появились. Обычные заявления по три раза переписывал. Вымучивал самое простое содержание.

— Надо же, стерва, с мальчишкой так обойтись! — взъерепенился я.

Потом он улыбнулся и сказал:

— Я помню то впечатление. Как забыть! Такое сладостно-грустное! Но что самое интересное, масштаб и ракурс панорамы были такими же, какими они бывают у Иеронима Боша. Когда я рассматривал его картину «Охотники на снегу», ощутил тот же восторг, как тогда, когда из окна наблюдал вид. Потом я сам себе объяснил, что неожиданно произошел прорыв границ моего «я», слился с окружением, пусть оно не отличалось никакой ценностью...

Я попытался рассказать Бадри об учительнице и ее сыне. Он проигнорировал тему.

